

О. В. Бочкарева

УДК 008:316.42

<https://orcid.org/0000-0003-3616-8545>

**«Родился я в травном одеяле...»
или пространство диалога в поэтическом космосе С. А. Есенина**

Для цитирования: Бочкарева О. В. «Родился я в травном одеяле...» или пространство диалога в поэтическом космосе С. А. Есенина // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 201-208.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-201-208

Искусство поэзии С. А. Есенина мыслится как пространство диалога, позволяющего представить автора в системе отношений «личностного» и «всеобщего». Умение поэта выразить мысль на бумаге, обрести «тело мысли и чувства» совершенствуется в процессе творения. Противоречивые чувства, испытанные С. А. Есениным в жизни (восторг и разочарование, вера, святость и грешность, преданность и измена в любви), раскрашивают поэтическое творчество в разные эмоциональные тона, рождая амбивалентное состояние. Истинную природу бытия человеческого, связанного с переходом из состояния «я» внешнего на внутренний, глубинный уровень, поэт видит в возвышении духа. Одухотворенность, связанная со способностью найти все радужные грани поэтического слова, его эстетическую выразительность и ценностно-смысловую насыщенность, позволяет С. А. Есенину интерпретировать жизнь как поэтику, художественный язык культуры, на основе своей модели мирозерцания, миропонимания и мирочувствования. Труд поэта – и мука, и радость, так как заданный размер рифмы порой не позволяет реализовать, «вместить» содержание, все те идеи и чувства, которые «бродят» в душе. С. А. Есенин размышляет о предназначении поэта, о процессе творчества. Процесс сочинения можно рассмотреть с позиции творческого диалога многих внутренних «я» («я-критика», «я-читателя», «я-кумира» и др.). Поэтическое произведение, обрастая внутренними голосами, становится многозвучным, вбирает в себя новые ценностные смыслы и оттенки, порой едва намечаемые, но всегда интуитивно ощущаемые при восприятии.

Ключевые слова: С. А. Есенин, поэзия, диалог, художественный образ, эмоция, процесс творчества, амбивалентность, одухотворенность.

О. V. Bochkarjova

«I was born in a grass blanket...» or the space of dialogue in S. A. Esenin's poetry space

The art of S. A. Esenin's poetry is thought of as space of dialogue allowing to present the author in the system of relations «personal» and «universal». The poet's ability to express thought on paper, to find a «body of thought and feeling» is improved in the process of creation. The contradictory feelings experienced by S. A. Esenin in life (delight and disappointment, faith, holiness and sin, devotion and treason in love) paint poetry creativity into different emotional colors and shades, giving birth to an ambivalent state. The true nature of being of the human, connected with the transition from the state of «self» external to the internal, deep level is seen by the poet in the elevation of spirit. The spirituality associated with the ability to find all the rainbow facets of the poetic word, its aesthetic expression and value-sense saturation, allows S. A. Esenin to interpret life as poetry, an artistic language of culture, on the basis of his model of worldview, philosophy of life and feeling of the world. The poet's work is both suffering and joy, as the specified size of the rhyme sometimes does not allow him to realize, «accommodate» content, all those ideas and feelings that «wander» in the soul. S. A. Esenin reflects on the purpose of the poet, on the process of creativity. The process of writing can be considered from the position of creative dialogue of many internal «self» («Self-criticism», Self-reader, «Self-idol», etc.). The poetry work, riddled with internal voices, becomes multi-sound, includes new value meanings and shades, sometimes barely planned, but always intuitively felt in perception.

Keywords: S. A. Esenin, poetry, dialogue, artistic image, emotion, process of creativity, ambivalence, spirituality.

С. Есенин – поэт, воплотивший «всемирную отзывчивость» культуры России, широту и простор души русского человека, ее природу, религию, быт, уклад, самобытность народа. «Особая музыкальность и неподдельный лиризм», «красочность и сложность образов», «искренность разного чувства и сердечность», «естественность и изысканность простоты», – такими эпитетами награждают поэзию С. Есенина многочисленные исследователи его творчества [Машкова, 2015;

Родина, 2015]. Поэт, в сердце которого «светит Русь», – это всегда философ, размышляющий о проблемах жизни и смерти, сущности творчества, мечтающий о преобразованиях в духовном мире человека, призванный «по-особенному» видеть мир. В отличие от видения мира реального, его взгляд преображенный, любовно-космический. В «Живой Этике» Н. Рериха есть образ «Ивана Сто-тысячного», который способен преумножать величие России [Жилкин, 2014]. С. Есенин, – поэт, любимый миллионами почитателей его таланта во всем мире, стал воплощением этого образа, «певучего дара славянской души».

Система отношений «личностное» – «всеобщее», воплощенная в поэтическом произведении, позволяет осмыслить данный вид искусства с позиции диалога художника с миром. Энергетический потенциал поэтического высказывания вызывает «поле притяжения» личности художника к духовной сущности через обнаружение себя в Другом, а Другого в себе.

Диалогичность как неперемное условие существования поэзии включена в контекст бытия и им определяется. Живущий в потоке жизни художник вбирает всю совокупность отношений: к личностному «я», к другому человеку, к природе, к обществу, к миру в целом. Мироотношение и миропонимание, определяющие смысло-жизненный план поэтического пространства через воплощение в нем судеб и человеческих отношений, организуют аксиологический тембр индивидуального голоса поэта. С. А. Никольский выделяет русские, «типично национальные» языковые проявления сознания: «душа», «судьба», «тоска», «счастье» [Никольский, 2015, с. 20].

С. А. Есенин убежден, что умение поэта выразить мысль на бумаге, обрести «тело мысли» совершенствуется в процессе творения, в процессе порождения, пребывания в «духе творящем». Н. С. Пичко отмечает, что «для художественного сознания ощущение формы подачи материала – это высшее состояние его развития в восприятии, понимании бытия» [Пичко, 2018, с. 260].

Поднимая этические, эстетические проблемы, творец не просто моделирует время-пространство жизни, а вводит глубинные культурные смыслы в архитектуру поэтического произведения. Можно наблюдать главные принципы художественного обобщения в поэзии С. А. Есенина: типизация и идеализация, символ и метафора, единство в разном соотношении всеобщего-особенного-отдельного в художественном образе и др. В момент поэтического вдохновения происходит силь-

ная концентрация чувства, идеи, которая как бы «зависает» над сотворенным, воплощается спонтанно, в не до конца проясненном материале. Эти «думающие пустоты» (М. С. Каган) рождают возможность диалога как со-творчества с читателем. «Уникальная сложность художественного творчества и состоит в амбивалентности... монологического самовыражения художника, жаждущего понимания людей, способных разделить его чувства, принять его убеждения, встать на его точку, и одновременно установок на диалог с Другим, который должен подчиниться его воле... свободно и личностно-своеобразно, как полноценный субъект, приобщиться к его, художника, ценностям, вступив с ним в иллюзорное духовное общение» [Каган, 1997, с. 298].

Поэтический текст, передаваемая художником информация имеет настолько тонкую природу (оттенки настроения, чувств, размышлений), что не может быть выражена прямо, буквально. Но то, что стоит «за» поэтическим высказыванием, контекст, интуитивно схватывается субъектом восприятия, и чем выше уровень одаренности поэта, тем больше рождается ассоциаций.

Жизнь как источник радости и страдания (корень слова показывает зависимость категорий друг от друга) воспринимается С. А. Есениным достаточно амбивалентно. Состояние амбивалентности преодолевается поэтом через персонификацию определенных смыслов культуры, представленную разными Я – голосами поэта во внутреннем диалоге индивидуальности. На протяжении всей жизни С. А. Есенин искал свой образ. В ранний период он примерил на себя «образ древнего божка, крещеного Леля, артистической и гениальной души», по образному выражению В. Н. Ильина, который отмечал «пленительный и по-своему глубокий образ поэта» [цит. по Шубникова-Гусева, 2002].

В революционные годы он свободно играет разные роли, иногда вопреки ожиданиям публики, порой надевая русскую вышитую рубашку или франтоватый костюм «с иголки». «Есенинский маскарад» стал более увлекательным и непредсказуемым – с утрированными переодеваниями, символизировавшими то ли союз, то ли борьбу города и деревни» [Лекманов, 2015, с. 185].

Художественный диалог «поэт – читатель» выступает системообразующим компонентом организации литературного произведения и его ценностно-смыслового прочтения. Рассуждая о присутствующей в русской литературе идее тоски по утраченному раю, о теме странничества, которая свой-

ственной поэзии С. А. Есенина, О. Е. Воронова выделяет в русской культуре три национальных архетипа: «земного рая», «иною земли», «сокровенного града» [Воронова, 2002, с. 327]:

Счастлив, кто жизнь свою украсил

Бродяжной палкой и сумой [Есенин, 2003, с. 34].

Можно утверждать, что «расширение» личности, обрастание ее диалогическими контекстами предполагает для художника возможность представлять себя в других временных и пространственных координатах, способность вобрать в себя бесконечный универсум, опирающийся на идеал сочувствия, сопереживания. Поэт ощущает несовершенство мира, несовершенство человека.

Подошел господь, скрывая скорбь и муку:

Видно, мол, сердца их не разбудишь... [Есенин, 2003, с. 35].

В основе принятия мира как такового лежит диалогический принцип, основанный на позиции открытости, обращенности навстречу людям. Диалогическая позиция в живом контакте с публикой как возможность передать талант и вдохновение людям особенно проявилась у С. А. Есенина в чтении собственных стихотворений. С воздействием электрического разряда сравнивает С. Д. Спасский есенинскую декламацию: «Рука выбрасывается вперед, рассекая воздух короткими ударами... отрывистый взмах головы, весь корпус наклоняется вбок и вдруг выпрямляется, как на пружине... Глаза сосредоточенные, сверкающие» [Спасский, 2019].

Восторг и разочарование, вера, святость и ее отрицание, преданность и измена в любви, все разные, порой противоречивые эмоциональные состояния, испытанные им в жизни, раскрашивают поэтическое творчество С. Есенина в разные эмоциональные цвета и оттенки, рождая амбивалентное состояние. «Категории греха и покаяния, грешности и святости, спасения и гибели души, Ада и Рая организуют как весь русский космос, так и отдельно его галактики, художественные миры поэтов» [Михаленко, 2009, с. 14]. Катарсис, понимаемый как высокое эмоциональное напряжение, граничит с аффектом. Возникающее в результате сильного эмоционального накала сложное психическое состояние, которое поэт не раз испытывал в жизни, связывалось у него с осознанием ситуации страдания, отчаяния, испытываемым им от предощущения значительных истори-

ческих потрясений и трагичности собственной судьбы.

Все жизненные коллизии находили отражение в поэзии С. Есенина, он пытался осознать и найти выход из противоречий реального мира, который его окружает, из внутреннего пространства своей души. «Море безбрежное» духовного опыта поэт находит в творчестве. Поэтика иллюзорного образа будит воображение, часто переводит творца за пределы сферы сверхсознательного и бессознательного, когда теряется чувство реального мира и рождается ощущение собственной нематериальности. Воображение поэта творит индивидуальный мир, своеобразный, индивидуальный хронотоп, единство времени и пространства. Хронотоп как категория, связывающая «пространство-время» в художественном произведении, был осмыслен М. М. Бахтиным, при этом он утверждал, что роль его – наполнить смыслом предельной интенсивности бытие художественного сознания (важнейшего и неперемного условия творческой деятельности). «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым: пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается, измеряется временем. Этим пересечением рядов и смешением примет характеризуется художественный хронотоп. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотипичен» [Бахтин, 1986, с. 141-142]. Время поэт С. А. Есенин ощущает через длительность в звуке: *Я помню время, оно как звук, / Стучало клювом в древесный сук*, ассоциативно: *Время – мельница с крылом*, пространство – всеохватно (от мерцания звезд до борозды в поле), сопрягается с необъятностью пространства русской души.

Жизнь, в понимании С. Есенина, едина: он мыслит ее как развитие божественного, лик которого видит в небе – «бросает звезды седой Старик», природного – «взрастает нива», человеческого – «зерна душ» и поэтического – «рождение в посевах слов». Поэт обретает способность созерцать самого себя в созданном им же самим мире. Воплощенная в поэтическом образе система диалога смыслов позволяет художнику приподняться над действительностью, попасть в ситуацию сво-

бодного к ней отношения. Пытаясь ответить на поставленные жизнью вопросы, поэт актуализирует в творческом процессе ее ценностно-смысловые противоречия, сгущая их в «диалогическом напряжении», на границе существования отношений Я – Другой (мир, общество, природа, другое поэтическое мышление, свое Я).

Истинную природу бытия человеческого, связанного с переходом из состояния «я» внешнего на внутренний, глубинный уровень, поэт видит в возвышении духа, раскрывающего ее экзистенциальный характер. В состоянии творческого вдохновения С. Есенин, намечая отдельные детали, элементы, наблюдения в окружающей его действительности, достраивает целостную картину, доходя до глубоких обобщений.

*Колокольчик среброзвонный
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы*

На золотых моих ресницах [Есенин, 2003, с. 117].

Тонкая природа чувствований, оттенков настроений, размышлений не может быть выражена в поэзии буквально, она спрятана как часть айсберга, которая не видна в глубине моря. С. А. Есенин размышляет о предназначении поэта, о процессе творчества. Накала страстей, эмоций, переживаний требует от мастера поэзия. «Он и стихи свои писал сказочными способами, то как из карт, раскладывая пасьянс из слов, то записывая их кровью сердца» [Пастернак, 2001].

*Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,*

Кровью чувств ласкать чужие раны [Есенин, 2003, с. 375].

Воплощение замысла, так называемые «муки творчества», сопровождаются амбивалентностью творческого процесса, когда реализованное не может вместить в себя задуманное. Труд поэта – и мука, и радость, так как заданный размер рифмы порой не позволяет в полной мере воплотить все те идеи и чувства, что владеют творцом.

*Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств*

Вертеть жернова поэм [Есенин, 2003, с. 192].

Поэт не может не творить, просыпается его талант, и его ничто не может заглушить. В процессе сочинения творец ощущает состояние творческого

экстаза, вдохновения, подъема всех своих духовных и душевных сил.

*Тогда впервые
С рифмой я схлеснулся,
От сонма чувств вскружилась голова.
И я сказал:*

*Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова* [Есенин, 2003, с. 328].

Поэтическое произведение, наполняясь внутренними голосами, становится полифоничным, многозвучным, обрастает новыми ценностно-смысловыми оттенками, порой скрытыми, едва уловимыми, но всегда интуитивно ощущаемыми при восприятии. Диалектическое сопряжение переживаний, воплощенных в поэтическом слове, с собственными переживаниями читателя рождает вечную тайну поэзии, флер, который покрывает подлинные творения.

С. Есенин понимает, что обладает даром сочинительства, который дан не всем, а лишь избранным.

*Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам* [Есенин, 2003, с. 193].

С. Есенин восхищается А. С. Пушкиным, считая его «могучий дар» образцом поэзии, посвящает ему стихотворение. Б. Пастернак отмечал легкость, артистичность, органику его поэтического дара, сравнивая его с Моцартом.

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с тобой* [Есенин, 2003, с. 239].

Поэт находит у себя и А. С. Пушкина общие черты характера.

*О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

Пути двух поэтов «пересеклись» в трагической ситуации похорон, когда гроб с телом С. А. Есенина три раза обнесли вокруг памятника А. С. Пушкина в Москве.

В единстве с миром человека представлен в поэзии С. Есенина мир природы, в его созерцательном взгляде запечатлено наслаждение красотой, совершенством и гармоничностью природы. Поэту удастся наделять природу человеческими чертами, приблизить ее к человеку, наделять теми чувствами, мыслями, которые ему близки. На ос-

нове процесса антропоморфизации природы в художественных текстах поэт создает мир красоты и делает свое существование и существование других людей более гармоничным, устойчивым, истинным [Бочкарева, 2015].

Поэзия, обладая степенью интимности, сокровенности, диалога, обращена к читателю, к себе – лучшему, возносит в иные миры, поднимает личность над бытийным уровнем повседневности.

Васильками сердце светится, горит в нем биярюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза [Есенин, 2003, с. 29].

Воображение, разбуженное художественными образами поэзии С. А. Есенина, переносит читателя в сферу ментального родства с Россией, слияния с природой, так как и мир природы, и мир искусства позволяют человеку соотносить собственное бытие с масштабами бесконечности вселенной.

Родился я с песнями в травном одеяле,

Зори меня веиние в радугу свивали [Есенин, 2003, с. 30].

Художественный диалог «автор – читатель» будит эмоциональные ассоциации с возникающими в памяти прошлыми впечатлениями ярких жизненных событий, как осознанными, так и неосознаваемыми. Особенный толчок к творчеству дает поэту любовь женщины.

Руки милой – пара лебедей –

В золоте волос моих ныряют [Есенин, 2003, с. 387].

В своих высших проявлениях чувство любви рождает вдохновенные строки С. А. Есенина, сопоставимые с лучшими поэтическими строками А. С. Пушкина.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,

Что была ты песня и мечта,

Все ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи –

К светлой тайне приложил уста [Есенин, 2003, с. 97].

«Есенин к жизни отнесся как к сказке. Он Иван-Царевичем на Сером волке перелетел океан и, как Жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан» [Пастернак, 1967]. И, наверное, не случайно в самом имени «Айседора» закодировано две буквы имени и фамилии поэта. М. Волошин восторженно отозвался на исполнение А. Дункан «Лун-

ной сонаты» и 7 симфонии Бетховена в 1904 г. в Париже: «Она вся как ручей, плавно текущий по бархатному лугу, в ней есть трогательность светло-зеленых весенних прутьев плакучей ивы, ее руки мерно качаются над головой как ветви деревьев во глубине лазури, клонимые легким ветром. Ее пальцы зацветают на концах рук как стрелчатые завязи белых лилий, как на статуях Бернини пальцы Дафны, вспыхнувшие веточками лавра. Ее танец – танец цветка, который кружится в объятиях ветра и не может оторваться от тонкого стебля; это весенний танец мерцающих жучков; это лепестки розы, уносимой ветром музыки... музыка зацветает вокруг нее розами, которые сами возникают в воздухе, музыка обнимает ее, целует ее, падает золотым дождем, плывет белым лебедем и светится магическим нимбом вокруг ее головы. В ней есть то, что есть в египетских статуях, то чего не знали греки: она делает видимым цвет воздуха, касающегося ее тела» [Волошин].

Созерцание, состояние глубокой медитативности, величайшая наблюдательность, стремление увидеть все то, что проходит мимо других, рождает диалогическое отношение к миру как особое просветленное состояние души духовной близости «всего со всем». Одухотворенность, вдохновение, связанные со способностью найти все оттенки радужных граней поэтического слова, его эстетическую выразительность и ценностно-смысловую насыщенность, позволяют С. Есенину интерпретировать жизнь как поэтику, художественный язык культуры, на основе своей выстроенной модели мирозерцания, миропонимания и мирочувствования.

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз,

И душа моя – поле безбрежное –

Дышит запахом меда и роз [Есенин, 2003, с. 299].

Постоянный поиск своего Я, идеала, ценностно-смысловой позиции через самоопределение в «пространстве – времени» жизни позволяет поэту раскрыть и выявить в творчестве потенциальные возможности своей личности. Мир поэзии, мыслимый как художественный диалог сопричастности личности к ценности бытия в мире, в своем движении-развитии потенциально бесконечен.

Искусство поэзии может считаться одновременно и основанием, и вершиной гуманитарного познания действительности, так как в отечественной гуманитарной традиции выделяется и культурное поле классики, и культурный слой повсе-

дневности, которые переплетены между собой [Густякова, 2017, с. 277].

О творчестве С. Есенина писали не только отечественные, но и зарубежные авторы, отмечая особую способность автора погрузиться в мир гармонии и созерцание совершенства – это то, что определяет границы проникновения личности в истинный мир поэтического творения [De Graaff, 1966; Laffitte, 1959]. Атанас Стоев, болгарский поэт, пишет: «Когда я читаю Есенина, на душе у меня становится грустно. Вижу маленькую церковь, белым зубом торчащую на холме, слышу шепот маков среди хлебов, у меня перехватывает дыхание от аромата скошенного сена, в котором молодость шепчет тайные словечки о близости... И жажду я близости и любви – того таинства, которое возвысит меня над повседневными страстями, чтобы почувствовать себя частью этого мироздания» [Стоев, 2019].

Искусство поэзии С. А. Есенина любимо многими и ценно для личности потому, что выступает в роли «инициатора» творческого компонента общения и накопления личностью духовного опыта в межличностном пространстве ценностно-смыслового диалога. Т. С. Злотникова отмечает, что «сегодня отзывчивость души человеческой на чувственно воспринимаемую действительность и рационально воспринимаемую информацию, на ее интеллектуальный потенциал и интеллектуальную красоту, на ее логическую силу и значимость – одна из существенных задач эстетического воспитания и общего образования новых поколений землян» [Злотникова, 2012, с. 230].

Художественное со-бытие – это реализация диалогического отношения, общение с равноправным собеседником в системе взаимодействия «поэт – читатель», это преодоление суверенитета, самости личности и одновременно это возвращение к себе Другому. Воплощая в своем творчестве систему взаимоотношений «Я» – «Другой» («природа», «другой человек», «я», «мир» в целом), поэт указывает на «меру» собственного бытия, «меру» человека. Творец связывает духовное устремление с жизненной энергией, дающей ему стойкость и силу, уверенность в способности преодолеть все испытания судьбы. Без общения с миром поэт не сможет обрести свой голос, основанный на переживании чувства.

Диалектический переход «диалог – отношение – самоопределение» включается в опыт творческого раскрытия личности в познании себя и мира. Этот сложный интегративный процесс духовно-творческого способа самопознания челове-

ка сопряжен с рядом ценностно-смысловых новообразований саморазвивающейся личности: определение позиции, духовная активность, направленность личности, представленные в интеграции миропонимания и мироотношения.

Таким образом, резюмируем вышесказанное:

– Поэтическое «я» С. Есенина, обращенность в своему внутреннему миру рождает рефлексивность и антропоцентричность художественного мышления и поэтического творчества.

– Художественный образ можно воспринимать как своего рода продолжение «я» поэта, его сверхбытие в мире, переводящее мир представлений, ощущений, уподоблений в сущее, в поэтическое слово.

– Погружение С. Есенина в мир художественной реальности требует особого *состояния*, вертикальной устремленности в смысловое пространство, *вдохновения*, особого дыхания строя рифмы, ритмической и метрической выверенности, слышания внутренней музыки стиха, архитектоники как целостности построения.

– Особое мастерство поэта в ассоциативности поэтического высказывания, связанного со звуком, цветом, пространством, движением и т. д., выражается в специфической форме – иносказательно и метафорично.

– Создание поэтического образа происходит и на бессознательном, и на сознательном уровне, когда необходимо усилие, как *усиления* себя, ведущее к разрешению ситуации амбивалентности и неопределенности в поиске средств выразительности и образности.

– Художественный диалог с собой и миром, без которого немыслима внутренняя работа поэта, устанавливает смысл отношений «человек – мир» в точке бытийного существования. Переживание личностного открытия, откровения ведет к глубокому в своих интимных проявлениях катарсическому состоянию.

– Адекватное постижение глубины мира художественной реальности возможно на основе субъективной идентификации ценностных представлений в процессе структурирования «идеального» как духовной сущности. Эмоционально переживаемый смысл в художественном диалоге в своей высшей точке осознается поэтом с позиции равенства, единства «я» и мира.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Москва : Худ. лит., 1986. 541 с.
2. Бочкарева О. В. Поэтическое творчество М. Ю. Лермонтова как художественный диалог // Яро-

славский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. 1. С. 107-111.

3. Волошин М. А. Айседора Дункан // Лики творчества. Кн. 2. URL: https://fictionbook.ru/author/maksimilian_aleksandrovich_voloshin/ayisedora_dunkan/read_online.html?page=2 (дата обращения 02.03.2019).

4. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань : Узорочье, 2002. 520 с.

5. Густякова Д. Ю. Репрезентация русской классической оперы в пространстве массовой культуры. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 411 с.

6. Есенин С. Лирика. Минск : Харвест ; Москва : ООО «Изд-во АСТ», 2003. 480 с.

7. Жилкин В. А. Николай Рерих и поэты Серебряного века: Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский // Родная словесность. 2014. Вып. 4. С. 28-36. URL: <http://www.lomonosov.org/laws/laws601.html> (дата обращения 02.03.2019)

8. Злотникова Т. С. Культурологическое и эстетическое образование в контексте взаимодействия глобального и локального / Т. С. Злотникова, Н. И. Киященко // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Том I. С. 228-232.

9. Каган М. С. Эстетика как философская наука. Санкт-Петербург : ТООТК «Петрополис», 1997. 554 с.

10. Лекманов О. Есенин С. А. Биография / О. Лекманов, М. Сverdlov. Москва : АСТ: Corpus, 2015. 608 с.

11. Машкова А. Г. С. Есенин в славянском мире // Вестник Моск. ун-та. Серия Филология. 2015. № 4. С. 39-52.

12. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX-XX вв. Москва : Голос, 2015. 536 с.

13. Пастернак Б. Люди и положения // Новый мир. 1967. № 1. URL: [https://www.yandex.ru/search/?lr=16&clid=1950386&win=185&text=B. Pasternak%20o%20S. Esenine \(data obrashhenija 30.07.2019\).](https://www.yandex.ru/search/?lr=16&clid=1950386&win=185&text=B. Pasternak%20o%20S. Esenine (data obrashhenija 30.07.2019).)

14. Пичко Н. С. Художественное сознание в динамике его культурного осмысления // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 258-263.

15. Родина Е. Л. С. Есенин: индивидуально-поэтическое воплощение концепта «жизнь» в контексте устойчивой метафорической модели // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 43-48.

16. Спасский С. Д. Наброски со стороны. URL: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/spasskii-s-d-nabroski-so-storony> (дата обращения 30.07.2019).

17. Стоев А. Читаю Есенина. URL: <http://www.rodnoe-slovo.org/node/303> (дата обращения 30.07.2019).

18. Шубникова-Гусева, Н. И. Есенин Сергей Александрович (1895-1925) // Литературная энциклопедия русского зарубежья / ред. А. Н. Николкин ; Центр гуманитарных науч. инф. исследований, отдел литературоведения ИНИОН РАН. Москва, 2002. С. 8-28.

19. De Graaff, Francesca. Sergej Esenin: A Biographical Sketch. The Hague: Mouton, 1966.

20. Laffitte, Sophie. Serge Essenine. Paris: Pierre Seghers, 1959.

Reference list

1. Bahtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i = Literary critiques. Moskva : Hud. lit., 1986. 541 s.

2. Bochkareva O. V. Pojeticheskoe tvorcestvo M. Ju. Lermontova kak hudozhestvennyj dialog = Poetry work of M. Yu. Lermontov as an artistic dialogue // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 1. Т. 1. С. 107-111.

3. Voloshin M. A. Ajsedora Dunkan = Isadora Duncan // Liki tvorcestva. Кн. 2. URL: https://fictionbook.ru/author/maksimilian_aleksandrovich_voloshin/ayisedora_dunkan/read_online.html?page=2 (data obrashhenija 02.03.2019).

4. Voronova O. E. Sergej Esenin i russkaja duhovnaja kul'tura = Sergei Esenin and Russian spiritual culture. Rjazan' : Uzoroch'e, 2002. 520 s.

5. Gustjakova D. Ju. Rerezentacija russkoj klas-sicheskoi opery v prostranstve massovoi kul'tury = Representation of Russian classical opera in the space of popular culture. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 411 s.

6. Esenin S. Lirika = Lyrics. Minsk : Harvest ; Moskva : ООО «Izd-vo AST» , 2003. 480 s.

7. Zhilkin V. A. Nikolaj Rerih i poety serebrjanogo veka: Aleksandr Blok, Sergej Esenin, Vladimir Majakovskij = Nikolas Roerich and poets of the Silver Age: Alexander Block, Sergei Esenin, Vladimir Mayakovsky // Rodnaja slovesnost'. 2014. Vyp. 4. S. 28-36. URL: <http://www.lomonosov.org/laws/laws601.html> (data obrashhenija 02.03.2019)

8. Zlotnikova T. S. Kul'turologicheskoe i jesteticheskoe obrazovanie v kontekste vzaimodejstvija global'nogo i lokal'nogo = Cultural and aesthetic education in the context of interaction between global and local / T. S. Zlotnikova, N. I. Kijashhenko // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 3. Том I. С. 228-232.

9. Kagan M. S. Jestetika kak filosofskaja nauka = Aesthetics as a philosophical science. Sankt-Peterburg : TOOTK «Petropolis», 1997. 554 s.

10. Lekmanov O. Esenin S. A. Biografija. Esenin S. A. Biography / O. Lekmanov, M. Sverdlov. Moskva : AST: Corpus, 2015. 608 s.

11. Mashkova A. G. S. Esenin v slavjanskom mire = Esenin in the Slavic world // Vestnik Mosk. un-ta. Serija Filologija. 2015. № 4. S. 39-52.

12. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX-XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of the national literature of the XIX-XX centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.

13. Pasternak B. Ljudi i polozhenija = People and positions // Novyj mir. 1967. № 1. URL: [https://www.yandex.ru/search/?lr=16&clid=1950386&win=185&text=B. Pasternak%20o%20S. Esenine \(data obrashhenija 30.07.2019\).](https://www.yandex.ru/search/?lr=16&clid=1950386&win=185&text=B. Pasternak%20o%20S. Esenine (data obrashhenija 30.07.2019).)

14. Pichko N. S. Hudozhestvennoe soznanie v dinamike ego kul'turnogo osmyslenija = Artistic consciousness in the dynamics of his cultural thinking // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2018. № 3. S. 258-263.

15. Rodina E. L. S. Esenin: individual'no-pojetičeskoe voploshhenie koncepta «zhizn'» v kontekste ustojchivoj metaforičeskoj modeli = Esenin: individual and poetic embodiment of the concept «life» in the context of a stable metaphorical model // Mir russkogo slova. 2015. № 4. S 43-48.

16. Spasskij S. D. Nabroski so storony = Essays from outside. URL: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/spasskii-s-d-nabroski-so-storony> (data obrashhenija 30.07.2019).

17. Stoev A. Chitaju Esenina = I read Esenin. URL: <http://www.rodnoe-slovo.org/node/303> (data obrashhenija 30.07.2019).

18. Shubnikova-Guseva N. I. Esenin Sergej Aleksandrovich (1895-1925) = Esenin Sergei Aleksandrovich (1895-1925) // Literaturnaja jenciklopedija russkogo zarubezh'ja / red. A. N. Nikolkin. Moskva : Centr gumanitarnyh nauch. inf. issledovanij, otdel literaturovedenija INION RAN, 2002. S. 8-28.

19. De Graaff, Francesca. Sergej Esenin: A Biographical Sketch. The Hague : Mouton, 1966.

20. Laffitte, Sophie. Serge Essenine. Paris : Pierre Seghers, 1959.